

О.В. ТРЕТЬЯКОВА

(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)

УДК 821.161.6.3(Кюхельбекер В.К.)
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)-8,44

«ПОСЛЕДНИЙ КОЛОННА» В.К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА КАК РОМАНТИЧЕСКИЙ РОМАН В ПИСЬМАХ

Аннотация. Статья посвящена эпистолярному роману В.К. Кюхельбекера «Последний Колонна». В контексте эпистолярной жанровой традиции рассматривается поэтика романа, принципы и приемы создания образов и доказываются его романтическая природа.

Ключевые слова: В.К. Кюхельбекер, «Последний Колонна», эпистолярный роман, жанровая традиция, художественный метод, романтизм.

В 30-е годы XIX века отечественная эпистолярная романная традиция в России представлена «<Романом в письмах>» А.С. Пушкина, «Поездкой в Германию» Н.И. Греча, «Последним Колонной» В.К. Кюхельбекера. Работу над этими произведениями их авторы начали практически в одно время. Так, Пушкин создавал «<Роман в письмах>», оставшийся неоконченным, в 1829 году; в течение следующего, 1830 года, Греч завершил работу над своим романом, изданным в начале 1831 года; первые письма «Последнего Колонны» написаны Кюхельбекером в 1832 году (роман опубликован целиком в 1937 году).

«Последний Колонна» В.К. Кюхельбекера долгое время не привлекал внимание литературоведов. В диссертации Е.Ю. Шер, единственном до сих пор исследовании, специально посвященном этому произведению, предложен его системно-структурный анализ, доказана романная жанровая природа «Последнего Колонны», его принадлежность к романтическому художественному методу¹.

Учитывая наблюдения Е.Ю. Шер, попытаемся углубить представление о жанровой специфике «Последнего Колонны» именно как отечественном варианте феномена «роман в письмах», сопоставляя роман В.К. Кюхельбекера с эпистолярным романом Ж. Санд «Жак». Мы не располагаем свидетельствами того, что Кюхельбекер был знаком с романом французской писательницы. К тому же «Жак» был издан во Франции двумя годами позже (в 1834 году) начала работы рус-

---

¹ Шер Е.Ю. «Последний Колонна» В.К. Кюхельбекера: реализация замысла романа в письмах: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007.

ского писателя над своим произведением¹. Однако, с нашей точки зрения, установление типологического сходства двух произведений, созданных в рамках одной и той же художественной системы – романтизма³, а главное – различия между ними не будет бесполезным: это позволит увидеть, опирается ли Кюхельбекер на авторитетную и живую еще в 30-е годы западноевропейскую традицию эпистолярного романа или отходит от нее (если верно последнее, то в чем это проявляется).

Следуя установившемуся еще в эпоху сентиментализма жанровому канону, Ж. Санд и В.К. Кюхельбекер вводят несколько линий переписки, наделяя статусом пишущих героев многих персонажей. Так, в произведении французской писательницы главные герои – Жак, Сильвия, Фернанда и Октав – вступают в переписку не только между собой, но и со своими наперсниками. Октав пишет другу Герберту; Жак – господину Борелю; Фернанда – подруге Клеманс. Несколько линий переписки встречаем и в романе В.К. Кюхельбекера. Джиованни Колонна, Юрий Пронский и Надежда Горич ведут письменный диалог со своими друзьями и наставниками. Колонна пишет Филиппо Малатеста, Фра Паоло; Пронский – другу Владимиру Горичу, князю Б.; Надежда Горич – приятельнице Эмили Дюваль. В переписку вступают и второстепенные герои: Глафира Ивановна Перепелицына пишет титулярному советнику Сковроде и его супруге, Лукерье Петровне, слуга Пронского Victor – другу.

Сопоставляемые нами произведения открываются письмами персонажей «второго ряда», представляя «внешний» взгляд на главного героя. Так, «Жак» Ж. Санд начинается не корреспонденциями центрального персонажа, а письмами Фернанды к Клеманс, в которых она рассказывает подруге о своем женихе Жаке («Ростом он невелик и кажется хрупким, хотя уверен, что у него крепкое здоровье; он всегда бледен... улыбка у него печальная, взгляд унылый. Лоб ясный, осанка горделивая, все в нем выдает душу гордую и чувствительную» – 136⁴).

---

¹ На русский язык роман Ж. Санд был переведен в 1844 г., опубликован в «Отечественных записках». См. об этом: *Егоров Б.Ф.* Проза А.В. Дружинина // Дружинин А.В. Повести. Дневник / под ред. Б.Ф. Егорова. М.: Наука, 1986. С. 4.

³ О принадлежности творчества Ж. Санд к романтизму см.: *Венкстер Н.А.* Жорж Санд. М.: Журнально-газетное объединение, 1933; *Моруа А.* Жорж Санд. М.: Молодая гвардия, 1968; *Реизов Б.* Жорж Санд // Санд Ж. Собр. соч.: в 9 т. Л.: Худож. лит., 1971. Т. 1. С. 5-42; *Трескунов М.* Жорж Санд: Критико-биографический очерк. Л.: Худож. лит., 1976 и др.

⁴ Здесь и далее роман Ж. Санд цит. по: *Санд Ж. Жак* // Санд Ж. Собр. соч.: в 15 т. Т. 3 (с указанием страницы в тексте статьи).

В письма Фернанды помимо цитат из ответных посланий Клеманс включены суждения о Жаке господина Бореля («Жак не совсем принадлежит роду человеческому» [306]; «Никто не может угадать, больно Жаку или нет... Разве он сотворен из плоти человеческой?» – 322), его супруги («... успел выучиться всему, что он знает, – ведь он понимает толк и в литературе, и в поэзии, и в музыке» – 325), капитана и некоторых других лиц. Отзывы о Жаке разных персонажей схожи тем, что в них отмечается странность в его поведении.

Лишь после корреспонденций Фернанды, адресованных Клеманс, в романе появляются письма главного героя Жака сестре Сильвии. Перед нами доверительный диалог героев, хорошо знающих и понимающих друг друга («Ты единственный в мире человек, которому я мог открыться, но способен я был на это в редкие мгновенья. Бывали такие минуты в моей жизни, когда одному только Богу я мог доверить свою скорбь или радость. Сегодня я попытаюсь открыть тебе всю свою душу...» – 342). Благодаря этой линии переписки читатель получает объяснение «странному» поведению Жака, о характере которого так рассуждает его сестра: «Ты совсем *не создан для общества!* Ты всем сердцем ненавидишь его нравы, его обычаи и предрассудки! Ты *подвергаешь сомнению даже вечные законы правопорядка и цивилизации!*»; «Ты все-таки *не создан для жизни с заурядными людьми!*» [311]; «Не знал несчастий и горестей *обычных людей!*» [325]. Жак и Сильвия осознают себя редкостными натурами, «каких рождаются единицы на протяжении целого столетия... назначением которых является любовь к истине» [311]. Жак не только посвящает Сильвию во все нюансы своих отношений с Фернандой («Вот уже несколько дней мы грустим – то она, то я, то оба вместе... иной раз ее горячие заботы меня даже немного тяготят» – 211), но и раскрывает свои самые сокровенные мысли («Я не раз проклинал небо. Мне оно не дало способности забывать прошлое. Почему мои раны вечно кровоточат? Почему первое в моей жизни страдание, вместо того, чтобы кинуться во мрак сомнения, вечно стоит у меня перед глазами. Я знаю, как все кончается, и все же бросаюсь к новой любви» – 171).

Большинство писем главного героя Ж. Санд адресовано Сильвии. Однако не во всех корреспонденциях Жака ощутима ориентация на адресата. Есть письма, которые больше напоминают дневниковые записи. Сам главный герой в одной из корреспонденций говорит сестре, что пишет дневник («... точный и подробный разбор того, что будет происходить во мне, окажется спасительным – он предохранит меня от необъяснимых разочарований, которыми чревата любовь. Быть может, изучая причины болезни, мне удастся предотвратить ее развитие. <...>

Но прежде чем начать этот *дневник*, мне хочется сказать, при каких обстоятельствах я его начинаю, каково мое душевное состояние и как устроена теперь моя жизнь» – 206-207). Жак, как видим, изображается сначала «извне» – в свете других сознаний – людей, чья степень понимания главного героя может быть разной, затем в письмах Сильвии, наиболее близкой ему по духу и мироощущению, и, наконец, «изнутри», в собственном дневнике. Роман Ж. Санд строится таким образом, что читатель постепенно приближается к пониманию внутренней сути образа героя.

Произведение Кюхельбекера также открывается не корреспонденциями Джиованни Колонны – главного героя, но посланиями других персонажей, в которых они делятся своими впечатлениями о его внешности и характере. Юрий Пронский пишет другу Владимиру Горичу: «Он [Колонна – О.Т.] *рожден быть великим*: в нем воскреснет для Италии Рафаэль, только бы огонь, горящий в груди его, не расторг до времени сосуда, в который влит и из которого беспрестанно порывается возвратиться туда, откуда упал на землю» [434-435]. Молодой художник Джиованни Колонна, с которым Пронский познакомился в Италии, произвел на него впечатление человека необычного, обладающего исключительным талантом. Вместе с тем, Пронский уловил в облике Колонны что-то трагическое и одновременно загадочное: «Он несчастлив, но причины его страдания я не дознался» [436]. Даже простодушный слуга Пронского, Victor, хотя и не симпатизирует Колонне, чувствует в нем какую-то особую силу, способность властвовать над людьми: «У меня *не лежит сердце к этому гордецу*», «Глаза же у него, Теодор, так тебя и видят насквозь ... как будто выуждает твои сокровеннейшие мысли» [437]. Образ Колонны, по замечанию Е.Ю. Шер, «раскрывается в романе... через призму разных, порой противоречащих друг другу восприятий, поскольку автор дает право голоса непохожим друг на друга персонажам (различает их абсолютно все: пол, социальное положение, степень образованности, сфера деятельности, национальная принадлежность и т.д.)»⁵.

Лишь после первых «представлений» Джиованни Колонны в письмах других героев в романе возникает его переписка с другом Филиппо Малатеста и наставником Фра Паоло. В отличие от предыдущих корреспондентов Филиппо Малатеста и Фра Паоло знают значительно больше о главном герое, поскольку давно и коротко с ним знакомы. Священнослужитель Фра Паоло так глубоко проник в характер Колонны, что способен угадывать самые затаенные его мысли, в которых

---

⁵ Шер Е.Ю. «Последний Колонна» В.К. Кюхельбекера... С. 85.

даже самому себе не признается герой: «Искуситель предстал тебе в образе самолюбия: но сего ли мира слава успокоит твое *сердце, алчущее благ неисчерпаемых*, томимое беспредельною жаждою наслаждений, какие дать одно небо ему может?» [448]. В то время, когда Колонна думает, что излечился от самолюбия, уверяя в этом друга Филиппо Малатеста («Долго меня мучила горячка славолубия; она прошла, прошла совершенно; исчезли и суеверные страхи мои» – 454), наставник Фра Паоло выражает сомнения в искренности своего подопечного: «Он по-прежнему и не думает умерять свои чувства; он предается им со всюю прежнею необузданностию: предмет только другой; они те же – столь же горды, пламенны, слепы, как были» [456].

И Ж. Санд, и В. Кюхельбекер включают в свои произведения дневники (точнее – отрывки из дневников) героев. Но если в романе Ж. Санд дневниковые записи Жака не отграничены от переписки, то в произведении В.К. Кюхельбекера они прямо обозначены как «выписки из дневника». Таких «выписок» из журнала Колонны две. В одной из них герой еще уверяет самого себя в бескорыстии чувства, которое он испытывает к невесте своего друга, Надежде Горич, но затем, понимая, что чувства его не взаимны, не может сдержать в себе назревающей ненависти («Мне ли не платить за любовь признательностию? Я ведь так мало в жизни встречал искреннего участия! А между тем писать к ним, – и не воздержусь от сарказмов...» [469]; «Они меня любят, а рано ли, поздно ли я кроваво уязвлю их самолюбие и в раны те пролью горечь и яд своего озлобленного сердца!» – 470). Последняя «выписка» представлена в финале произведения, из которой ясно, что Колонна находится в состоянии помешательства («Смейтесь, ради бога! мне сегодня пришла идея самая сумасбродная: я, клянусь вам самим Вельзевулом, я самый, известный вам испанец Родериго, несколько раз уже колесованный и четвертованный за то, что люблю жечь женихов с невестами...» – 493). По наблюдениям Е.Ю. Шер, «внутренний мир Джованни Колонны стал изображаться теперь не только извне (с точки зрения других сознаний), не только изнутри с помощью слова героя, адресованного “другому”, но и посредством его “внутреннего” слова, произнесенного наедине с самим собой, адресованного самому себе»⁶.

Таким образом, как и в романе «Жак», в «Последнем Колонне» использован прием постепенного проникновения во внутренний мир героя, постепенного раскрытия его образа. От знания неполного, неточного о главном герое (по мере вступления в переписку персонажей, обладающих разной степенью понимания героя) мы продвигаемся к

---

⁶ Шер Е.Ю. «Последний Колонна» В.К. Кюхельбекера... С. 216.

знанию все более точному и полному. И, наконец, проникаем в «святая святых» – его внутренний смятенный мир, каким он предстает в дневнике пишущего героя. Однако если дневниковые записки Жака по существу не несут в себе новой информации о герое, а только поясняют уже известное читателю, то дневник Колонны – главным образом, уже новое слово о нем. Именно в дневнике, наедине с собой, герой раскрывает затаенное в своем внутреннем мире, мотивы своих поступков, в которых не признается никому из собеседников. Дневник дает возможность проследить изменения в характере героя, который первоначально пытается сдерживать в себе зло, разрушительное начало.

В сентиментальных эпистолярных романах субъекты речи и субъекты сознания, как правило, совпадают. Если в письмо героя включается «чужое» слово, то оно чаще всего принадлежит адресату.

В отличие от сентиментальных романов, в произведении Ж. Санд явно заметно стремление к полисубъектности эпистолярного дискурса. Так, в речь Фернанды включено слово тетушки Маргариты, отражающее сознание последней. В письме Фернанды слышны также голоса других персонажей, например, жены господина Бореля Эжени: *«Образ жизни Борелей ужасно скандализирует местных ханжесей. Эжени смеется над ними; ведь она счастлива, любима мужем, окружена преданными друзьями, да еще и богата – обстоятельство, которому она обязана вниманием ярых легитимистов, время от времени ее навещающих»* [304]. «И вот началась обычная ее болтовня; говорливая старушка прямо при Жаке принялась расспрашивать меня, *не муж ли он мне...* рассказывать о своих горестях, о жизни, жаловаться, что пришел срок платить за квартиру, – *ведь даром ее держать не будут* – и при этом она смотрела на меня так жалобно...» [309]. В романе «Жак» различимы пишущие герои, «явные» адресанты (Жак, Сильвия, Октав, Фернанда, Борель), «невяные» адресанты (Герберт), не пишущие «говорящие» персонажи (мать Фернанды, Эжени, драгунский капитан, лейтенант Лорель, тетушка Маргарита и др.). Таким образом, рассматриваемый нами романтический роман в письмах характеризуется сложным соотношением субъектов речи и сознания.

Еще более сложным предстает соотношение субъектов речи и субъектов сознания в «Последнем Колонне». Корреспонденции пишущих героев оказываются полисубъектными, на что указывает в своем исследовании Е.Ю. Шер. По ее наблюдениям, в произведении В.К. Кюхельбекера различимы сознания не только пишущих героев, ««явных» адресантов (Дживованни Колонна, Юрий Пронский, Victor, Надежда Горич, Фра Паоло, Глафира Ивановна Перепелицына, Матвей Матвеевич Сковрода)», а также адресантов, ««проявляющихся» в чу-

жом тексте (цитируемых), чьи письма подразумеваются, но в тексте романа отсутствуют (Владимир Горич, Филиппо Малатеста)», но и не пишущих, «говорящих» героев (Карпов, Грауманн, Настя), а также тех, кто «не имеет голоса», «чистых» адресатов (Теодор, Эмилия Дюваль, Лукерья Петровна Скворода, князь Б.)⁷. Так, в «Последнем Колонне» В.К. Кюхельбекера при всем многообразии пишущих героев (тринадцать корреспондентов) субъектов сознания представлено гораздо больше, чем субъектов речи: «... в тексте письма, формально принадлежащего определенному субъекту речи (всегда обозначенному), может быть выражено сразу несколько точек зрения, позиций. То есть герой “говорящий” несет не только свое, но и “чужое” слово о себе и о мире»⁸. «Благодаря полисубъектности – введению в роман разных голосов-сознаний, в свете которых отражается (воплощаясь) многогранный и противоречивый образ Джiovанни Колонны, исключаются односторонность и однозначность его трактовки»⁹.

В системе образов романов «Жак» ошутима грань между «необычными» и «обыкновенными» персонажами. Об этом будет размышлять в своем письме главный герой романа Ж. Санд: «В большой мастерской, где он [Бог – О.Т.] отликает в изложницах *все типы душевной организации людей*, он создал несколько образцов более строгих душ и более глубоко размышляющих умов. Он сотворил их такими, что они не могут жить только для самих себя, ибо их непрестанно томит потребность действовать на благо *обычным людям*» [581]. Принадлежность героев к разряду «необыкновенных» людей будет сказываться на стилевой манере их писем. В них нередки слова с абстрактным значением, лексика высокого стиля («Ах, сестра моя, мы с тобой слишком *горды*, наша жизнь будет *вечной борьбою*» [372]; «Зачем ты пробуждаешь мою *боль* теперь, когда она утихла, неосторожная Сильвия? Она *неисцелима*, я это знаю. Неужели ты опасешься, что я их позабыл? Но что именно ты боишься? Какая страница моей жизни может тебе показаться странной? Ведь она подписана Жаком!» – 329). Жак и Сильвия – натуры рефлексивные, они задумываются над вопросами мироустройства и человеческого общежития («Я... не примирился с обществом и по-прежнему считаю брак одним из самых варварских установлений, которые создала цивилизация» – 331).

Стиль писем Жака и Сильвии резко отличается от стилевой манеры корреспонденций Фернанды и Октава, более «приземленных» пер-

---

⁷ Шер Е.Ю. «Последний Колонна» В.К. Кюхельбекера... С. 84-85.

⁸ Там же. С. 75.

⁹ Там же. С. 119.

сонажей. Даже о своих чувствах последние говорят просто, их углубленный анализ им не свойствен: «*Право, не знаю, что творится со мной!* Не сплю по ночам, горю в лихорадке – словом, похоже, что я начинаю влюбляться... И, однако, ничего понять не могу: я живу меж двух прелестных женщин и, кажется, одинаково влюблен в обеих» [471]. В письмах другу Октав скорее фиксирует свое внутреннее состояние, чем делает его предметом рефлексии. Жак, описывая Сильвии свои чувства к юной Фернанде, выражается с гораздо большей экспрессией, пытаясь понять происходящее с ним: «*Клянусь тебе, что даже в первой любви я не изведал такой чистой радости и такого дивного восторга; я весь трепетал, горел, как в лихорадке. Нынче мне кажется, что душа моя молода, очистилась от страстей и впервые познает любовь*» [343].

Стиль корреспондентов «Последнего Колонны» охарактеризовал в своем дневнике сам автор: «*Каждое лицо пишет сообразно своему характеру и званию; они следующие: живописец итальянец, монах католический, итальянец же, русский отставной офицер гвардии, его слуга-француз, молодая девушка лучшего круга, русская, старая компаньонка богатой русской генеральши, титулярный советник малороссийский, секретарь губернатора. Всем им, кажется, дана настоящая физиономия, и caricatures, вроде тех, какие обыкновенно встречаются в наших так называемых нравоописательных романах, полагаю, нигде нет*»¹⁰. Е.Ю. Шер, анализируя стилевую манеру писем персонажей, заключает: «Круг тем, занимающих адресанта, способ изложения материала, да и сам лексико-синтаксический фонд, используемый героем, определяются, в первую очередь его социальным статусом и степенью образованности. Как следствие, герои, имеющие сходное положение в обществе, будут обладать и сходным языком»¹¹; «... стилевые особенности писем Пронского, Надежды Горич и самого Колонны как бы “уравниваются”, поскольку содержат схожий лексико-синтаксический запас, обусловленный принадлежностью героев к одной социально-культурной среде»¹².

С нашей же точки зрения, автор стремится придать стилевую индивидуальность каждому пишущему и говорящему герою, даже второстепенному. Victor преимущественно употребляет слова из сферы быта, что свидетельствует о его приземленных, материальных потребностях («*Толстый харчевник, что потчевал нас укусом и уверял, будто*

¹⁰ Кюхельбекер В. К. Путешествия. Дневник. Статьи. Л. : Наука, 1979. С. 616.

¹¹ Шер Е.Ю. «Последний Колонна» В.К. Кюхельбекера... С. 87.

¹² Там же. С. 88.

это самое лучшее рейнское вино, а свои *ужасные котлеты* из конины, выдавал за говяжьи...» – 436). В речи священника Фра Паоло преобладает высокопарный, моралистический тон, создаваемый благодаря использованию высокой церковной лексики, соответствующих клише («*Сын мой*», «*Да ниспошлет он тебе утешение*», «Денно и ночью буду призывать *силы небесные*», «*Решишь употребить полученное тобою не для стяжания призрака земной славы, а для прославления подателя благ нетленных*», «*Чадо мое о Христе*» и т.д.) и богатому включению прямого цитирования святого писания («*Аще соблазняет тя рука твоя, аще соблазняет тя око твое*», «*Всякое деяние благо и всяк дар совершен, исходя от отца света*»). В корреспонденциях Надежды Горич воспитательнице Эмилии Дюваль ощутима сдержанная манера письма, соблюдение героиней норм этикета. Так, в описании встречи с Пронским после длительного расставания практически не встречаются яркие эмоциональные высказывания, есть лишь одно восклицательное предложение («*Вдруг кто-то закрыл мне глаза; я ахнула и – очутилась в объятиях Юрия!*»). Однако подробно описанный портрет жениха («... рубец на лбу служит Юрию истинным украшением: он теперь и во фраке смотрит героем. В глазах его *прежнее* радушие, *прежнее* чистосердечие. <...> Он посмуглел: впрочем, и это ему к лицу. *Долго всматривалась я в каждую его черту*...» – 452) свидетельствует о том, как он ей дорог.

В письмах Пронского другу Владимиру Горичу находит отражение впечатлительность, эмоциональность, свойственные его натуре: «... живу здесь уже третий месяц и – оторваться не могу. Я *не в силах успокоиться, опомниться от всего*, что привлекает здесь мое внимание, *возбуждает удивление* и наполняет сердце вместе и благоговением и печалию» [431].

Стилевая манера писем Колонны значительно отличается от стиля иных корреспондентов. В письмах часто встречаются слова с «отрицательной» эмоциональной окраской. Например, уже в первой своей корреспонденции Колонна пишет: «Долго я боролся с самим собою: *гордость, отвращение* пользоваться благодеяниями, привязанность к *несчастной, неблагодарной*, но все дорогой мне родине... *растерзало мне сердце*...» [438]. Здесь ясно видно, как сталкиваются в речи героя слова с противоположным значением, характеризующие его отношение к родине: «*отвращение*», «*неблагодарной*», «*растерзало сердце*», с одной стороны, с другой, – «*благодеяния*», «*привязанность*», «*дорогая родина*». В самой стилевой манере Колонны находит выражение сложность, противоречивость его характера, сочетание в нем отрицательного, агрессивного и светлого, доброго. В воображении героя то и

дело возникают «какие-то *облачные, огромные, дикие образы*», звучат «голоса *убийственных предчувствий, темных ужасов*». В восприятии Джиованни Колонны окружающий мир предстает дисгармоничным и враждебным ему. Природа чужой и чуждой ему России кажется «*безотрадною*», «*неумолимою*», «*грозною*».

Словом, действительно, как и писал Кюхельбекер, «каждо лицо» в романе «Последний Колонна» пишет «сообразно своему характеру и званию».

В романах и Ж. Санд, и В.К. Кюхельбекера, как уже отмечалось, присутствует несколько линий переписки, что позволяет раскрыть образы не только центральных героев, но и второстепенных персонажей. Так, в романе «Жак» предметом внимания автора становится внутренний мир не только «необычных» героев (Жак, Сильвия) но и «обыкновенных» персонажей. Разочаровавшись в Сильвии, Октав влюбляется в Фернанду, также горячо полюбившую его. Оказывается, что Фернанда и Октав также обладают богатым внутренним миром, что и эти герои способны на сильные чувства («... я теперь вижу, что *она любит трепетной любовью* и против своей воли, любит душу, понявшую ее. Она бледнеет, она трепещет, она плачет» – 495). «*Они борются, сопротивляются, несчастные! Но любят друг друга и страдают*» [493], – пишет Жак о Фернанде. «Он в ужасном смятении, страдает так сильно и глубоко, что мне жаль его», – скажет Сильвия о чувствах Октава к Фернанде [501]. Адресатами Октава являются Сильвия, Фернанда и Герберт. Отсутствие ответных корреспонденций последнего усиливает исповедальность писем Октава, сосредотачивает внимание читателей на раскрытие его внутреннего мира («Я в плачевном состоянии, дорогой мой Герберт, пожалей меня, но *не пытайся давать мне советы*. Я не в состоянии воспринять какие бы то ни было наставления» – 502).

Прием опущенных ответных корреспонденций использует и Кюхельбекер. В «Последнем Колонне» отсутствуют письма адресата одного из главных героев романа Владимира Горича. Однако Пронский не ограничивается лишь обращениями к своему адресату («Итак, я в Италии, любезный Владимир...» – 428), но и характеризует друга, говорит о его наклонностях («... какой-то насмешливый демон меня так и тянет в описательную *поэзию, которую так любишь*, так и жужжат мне в уши *восклицания, которые так жалуешь*» [428]; «*Ты, впрочем, небольшой охотник ни до фраз, ни до модных писателей*» – 429). Более того, Владимир Горич все-таки фигурирует в романе в статусе пишущего героя, поскольку Юрий Пронский включает в свои корреспонденции цитаты из его ответных писем (прием, к которому не обращается Ж. Санд): «Рим, – *отвечаешь ты мне*, – очаровал тебя; ты не мо-

жешь скоро оторваться от него: это понятно. <...> Рим очень интересен, но в Риме сердечное наше участие возбуждает один Юрий Пронский» [431]. Таким образом, в корреспонденции Пронского включено «чужое» слово друга, выражающее его сознание. Отсутствие ответных корреспонденций адресата и в этом случае акцентирует наше внимание на адресанте, Юрии Пронском, его внутреннем мире: герой открыт своему собеседнику, может быть предельно откровенным и искренним, способен на душевную привязанность («... тебя, конечно, никто мне не заменит; никто в моем сердце не займет того священного уголка, который я отвел исключительно тебе; с тобою я вырос, тебя люблю с той поры, как начал чувствовать...» – 432).

И Ж. Санд, и В. Кюхельбекер сохраняют в своих произведениях традиционную фигуру издателя. Однако в сравнении с «Жаком» его роль в «Последнем Колонне» иная. Мы не встречаем в «Последнем Колонне» традиционного для этого жанра предисловия издателя (редактора), комментарии к корреспонденциям героев оказываются немногочисленными. Так, в романе Ж. Санд в примечании к сорок девятому письму сказано: «Пусть читатель не забывает, что многие из писем были изъяты из этого сборника. Издатель счел своим долгом опубликовать лишь те, которые *говорят об определенных чувствах и определенных фактах, необходимых для связности и ясности* в биографии действующих лиц» – 301). Прикрепленность примечания к 49-му письму имеет условный характер, поскольку пропуск писем заметен с самого начала романа. Данное примечание могло появиться в любом другом месте. Здесь важен сам принцип отбора («*определенных чувств и определенных фактов*»), заявленный издателем, благодаря чему возникает «связность и ясность» в раскрытии образов главных героев, сосредоточенность на изображении их внутреннего мира. Издатель активно «формирует» эпистолярный сюжет, добиваясь освещения «фактов» и «чувств» с нужной, наиболее выразительной, с его точки зрения, стороны, опуская не столь важные, уводящие от главного детали и подробности.

Активность издателя в романе Ж. Санд проявляется и в том, что это именно он рассказал о последних часах жизни героя накануне самоубийства («Горцы, у которых он остановился, сообщили властям своего кантона, что проживавший в их доме иностранец исчез, оставив у них свой саквояж. Поиски не привели ни к каким результатам, и судьба его неизвестна... его исчезновение приписали смерти от несчастного случая» – 584). Издатель и участники переписки живут в одном времени и пространстве, более того, издатель вступает в контакт с персонажами «внутреннего» сюжета, а значит он может быть

лицом, осведомленным не только о их внешней, но и внутренней жизни.

В «Последнем Колонне» слово издателя появляется лишь во второй части романа. Однако его негласное присутствие в первой части, тем не менее, ощутимо, на что указывает Е.Ю. Шер: «Во-первых, письма пронумерованы, чего сами герои сделать явно не могли. <...> Во-вторых, активность деятельности издателя выражается и в проделанной им работе по отбору и расположению писем, из совокупности и последовательности которых складывается сюжет. <...> ... присутствие издателя наглядно демонстрирует также появление "выписок" из дневника Колонны. <...> В-четвертых, заголовок каждого письма включает обозначения и адресанта, и адресата с краткими комментариями-пояснениями»¹³.

В «замечании 2» издателя, предшествующем «второй выписке из дневника Джованни Колонна», прямо выражено его отношение к герою, то есть позиция издателя в романе активна: «Здесь, кстати, сообщим последний отрывок из дневника Колонны. Тут, особенно под конец, заметно *возраставшее помешательство ума*, доведшее его напоследок до того *зверского неистовства*, которое... Но пусть читатель потрудится добраться до последней страницы... Здесь мы только укажем на очень любопытный психологический факт: временное сумасшествие Колонны, которое, *едва ли может служить ему перед человеческими законами в извинение*, потому что было плодом произвольной необузданности страстей, тем не менее не подлежит, кажется, никакому сомнению» [488]. Издатель знаком с дневником Колонны, следовательно, посвящен в тайны его внутренней жизни, понимает, что движет этим героем, каковы истинные мотивы его поступков. Постигший характер Колонны, понявший, что им движет, издатель получает право на его обвинение. Он возлагает на героя, превратившегося «в совершенное чудовище», полную ответственность за произошедшую трагедию: «эгоизм Колонны, его "сумасшедшая" страсть, не подавляемые ни рассудком, ни волей, доведшие его до "зверского неистовства", губительны, враждебны людям, разрушительны для самого героя, и поэтому... не могут быть оправданы».

Вместе с тем тот факт, что роман заканчивается не словом издателя, «авторитетным, наделенным правом оценки от автора голосом»¹⁴, но газетным, неперсонифицированным словом, свидетельствует, на наш взгляд, о том, что мнение издателя не является «последним»

¹³ Шер Е.Ю. «Последний Колонна» В.К. Кюхельбекера... С. 134-135.

¹⁴ Там же. С. 138.

и «исчерпывающим»: это всего лишь еще одна точка зрения среди представленных в романе.

Как и в сентиментальных эпистолярных романах, в произведении Ж. Санд очевидна связь с жанровой традицией. В «Жаке» упоминаются герои «Памелы» Ричардсона и «Новой Элоизы» Руссо: Ловлас, Сен-Пре, Юлия, Клара, Вольмар, с которыми сравнивают себя персонажи романа («Твой муж – *скверная копия господина Вольмара*, но Сильвия, конечно, не старается подражать *бескорыстию и тонкости Клары*» – 332). Однако герои Ж. Санд получают другие по сравнению с традиционными ролями функции. Так, Октав, который добивается Фернанды, не похож на соблазителя Ловласа, его чувства к Фернанде искренни и глубоки («*Не имею чести быть Ловласом*, поэтому я поступил по-своему, избегая всякого коварства» – 260). Супруг Фернанды Жак – не законный ее собственник, но человек, признающий право своей жены на свободу, уважающий ее чувства («... общество продиктует вам те клятвы, которые вы обязаны принести; вы должны поклясться в верности и в послушании мужу, то есть в том, что никогда никого не полюбите, кроме меня, и будете во всем мне покорны. Одна из этих клятв – нелепость, а другая – низость» – 355).

Традиционный любовный треугольник, который составляют супруги и возлюбленный замужней женщины, разрешается самоустранением мужа, Жака, решившегося таким образом дать свободу влюбленным, видя в своей личной трагедии отражение дисгармонии всего мироустройства («Хотел бы умереть, оставив всех вас счастливыми, чем сохранить свое счастье ценою счастья кого-нибудь из вас» – 313). Надежда Жака, его вера в то, что счастье возможно, разрушились.

Связь «Последнего Колонны» с западноевропейской эпистолярной традицией не обозначена прямо в романе. Тем не менее внешняя форма произведения – в письмах – оживляет память жанра, отсылая читателя к литературной традиции, к которой роман Кюхельбекера причастен. Вместе с тем читатель не может не заметить совершенно новый поворот традиционного для данного жанра сюжета, в основе которого, как правило, лежит противоречие между субъективным миром героев и миропорядком, что делает невозможным их счастье («Жак»). Главной причиной трагедии любящих героев (Юрия Пронского и Надежды Горич) не становятся светские предрассудки (как в «Жаке»). В центре внимания автора даже не история любящих сердец, а отмеченный печатью исключительности герой, чей индивидуализм гибельно сказывается на судьбах других персонажей.

Рассматривая романы в письмах Ж. Санд и В. Кюхельбекера, мы обнаружили их типологическое сходство, проявляющееся в первую

очередь в стремлении авторов-романтиков к усилению психологического начала. Авторы «стягивают» повествование в один центр, сосредоточиваясь на раскрытии характера главного героя, представляя его в свете разных сознаний.

Помимо установления типологического сходства соотношение «Жака» с «Последним Колонной» дало нам возможность яснее увидеть особенности последнего. Сравнительный анализ убеждает в том, что Кюхельбекеру удается достичь большей полноты и психологической достоверности в обрисовке характера центрального персонажа, динамики его внутренней жизни. Очевидно, что Кюхельбекер, оставаясь романтиком, учитывает завоевания реализма 30-х годов в понимании и изображении человека. Это обнаруживается в стремлении русского писателя к многоаспектности изображения характера главного героя. Наряду с письмами-исповедями Кюхельбекер включает в повествование «выписки» из дневника Колонны, запечатлевающие всю глубину его внутренней драмы, а главное – представляет героя в свете разных сознаний, оценок, которые дают ему другие персонажи. Таким образом, герой изображается не только «изнутри» (что обычно для произведения эпистолярного жанра), но и «извне» – «со стороны».

Обогащая эпистолярную традицию достижениями новой утверждающейся художественной системы, Кюхельбекер не только раскрывает внутренний мир героя-индивидуалиста, но и показывает опасность ничем не ограниченного своеволия, что станет вскоре одной из основных тем русской литературы.

Тенденция к все большей психологизации, заявляющая о себе в романе В.К. Кюхельбекера, соответствует основному направлению русского литературного процесса. И в этом смысле можно говорить о том, что изучение эпистолярного романа «Последний Колонна», не ставшего «литературным фактом» своего времени (поскольку впервые он был опубликован только в 1937 году), необходимо для понимания становления русской психологической прозы.